

**НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ**

том 4

Николай ГУМИЛЕВ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОМ IV

Регенсбург

1947

К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ

Из букета целого сирени
Мне досталось лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени,
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

Много есть людей, что полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за садом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
Как поют и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь?
По каким тоскуешь ты истомам,
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней,
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней.

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды и мечты и думы
Поверяла мне она свои,
Все, что может девушка придумать
Об еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
Сводами слились в одно кольцо.

И я думал — нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе.

Мой альбом, где страсть сквозит без
меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто-да-фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристой-
ным,
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертой мировой войны».

И когда тогдашние Лигеи
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
— Я б американца не любила,
А любила бы поэта я.

Цветов и песен благодатный хмель
Нам запрещен, как ветхие мечтанья,
Лишь девственные наименованья
Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,
Забутая нарочно в миг прощанья,
На томике серьезного издания,
(Шамполионовский Joffré Rudel).

—Ее ведь смею я почтить сонетом?
Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальной смерти и пьяней вина;
И желто-розовый цветок целуя,
Быть может преступленья не свершу я?

Лишь черный бархат, на котором
Забьт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Мăрии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

Пролетела золотая ночь
И на миг замедлила в пути,
Мне, как другу, захотев помочь,
Ваши письма думала найти.

—Те, что Вы не написали мне...
А потом присела на кровать
И сказала «Знаешь, в тишине
Хорошо бывает помечтать!

«Та, другая, вероятно, зла,
Ей с тобой встречаться даже лень,
Полюби меня, ведь я светла,
Так светла, что не светлей и день.

«Много расцветает черных роз
В потайных колодцах у меня,
Словно крылья пламенных стрекоз,
Пляшут искры синего огня. ✓

«Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней,
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»,
И она мне не ответит «нет»?

Об озерах, о павлинах белых,
О закатно-лунных вечерах,
Вы мне говорили о несмелых
И пророческих своих мечтах.

Словно нежная Шехерезада
Завела магический рассказ,
И казалось, ничего не надо,
Кроме этих озаренных глаз.

А потом в смятении.... туманных
Мне, кто был на миг Ваш господин,
Дали два цветка благоуханных,
Из которых я унес один.

Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
—Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том?

Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда,
Губы милой были слишком скупы,
Сердце не дрожало никогда.

Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же как и женщине с мужчиной
Никогда друг друга не понять.

Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни близкой для меня,
Звонкий, словно водопад гремящий,
Словно гул растущего огня:

«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь Ахейцы разорили Трою!
Если ты теперь же не забудешь
Девушку с огромными глазами,
Девушку с искусными речами,
Девушку, которой ты не нужен,
То и жить ты значит не достоин».

Дремала душа твоя, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
Созвездий слепящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для губ полудетских твоих.

И рад, я что сердце богато,
Ведь тело твое из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой,
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,
Невиданное никогда,
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Преображая дух и тело,
Напев вставал и падал вновь,
То говорила и звенела
Твоя поющей лютней кровь.

И запах огненной и слаще
Всего, что в жизни я найду,
И даже лилии стоящей
В высоком ангельском саду.

И вдруг из глуби осиянной
Возник обратно мир земной,
Ты птицей раненой неожиданно
Затрепетала предо мной.

Ты повторяла — «я страдаю»,
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты лишь синяя звезда.

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведя их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь,
И лизал им ноги небывалый,
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,
Те, что подают на Рождество.

«Тише крики, смолкните напевы!»
Я вскричал — «и будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены.»

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном.

Луна восходит на ночное небо
И светлая покоится влюбленно.

На озере вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.

О как божественно соединенье
Из вечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и
 странный,
Нелетный мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его вам было мало или много,
Должно быть плохо я стихи писал
И Вас несправедливо просил у Бога.

Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете «я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

Но вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.

Мне ведомы все дороги
На этой земле привольной...
Но ваши милые ноги
В крови, и вам бегать больно.

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

Я говорил — ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом своим.

А я плачу за счастье много,
Мой дом — из звезд и песен дом,
И будет сладкая тревога
Расти при имени твоём.

«И скажут — что он? Только скрипка,
Покорно плачущая, он,
Ее единая улыбка
Рождает этот дивный звон. —

«И скажут — то луна и море,
Двойко отраженный свет —
И после — о какое горе,
Что женщины такой же нет!»

Но, не ответив мне ни слова,
Она задумчиво пошла,
Она не сделала мне злого,
И жизнь по прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,
Пою я полночи и дню,
Но вместо женщины любимой
Цветок засушенный храню.

Ты не могла, иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Твое дурманящее тело
И сердце бережешь другому.

Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилия,
Когда и ангелы заблещут,
Твои сияющие крылья
Передо мной не затрепещут.

И в встречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой³ девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

Нежно небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу
И теперь мне ничего не надо.
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря,
Тихий, тихий, золотой покой,
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Что же думать, как бы сладко нежил
Тот покой и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил.

С протянутыми руками
С душой, где звезды зажглись,
Идут святыми путями
Избранники духов ввысь.

И после стольких столетий
Которым названье — срам,
Народы станут, как дети,
Склоняться к их ногам.

Тогда я воскликну: «Где ты
Ты, созданная из огня,
Ты помнишь мои обеты,
И веру твою в меня.

«Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
Зато, что полное счастье,
Последнее счастье ты!»

Ты пожалела, ты простила,
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

Так Победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, что был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имения.

Все, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Все, что даровано богами,
Мне, воину, и мне, поэту.

Все, пред твоей склоняясь властью,
Все дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я и петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.

Не накази меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.

Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условия, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

Неизгладимый, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор
девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяженьем,
И сонмы звезд, что движутся, горя,
От века предназначенным движеньем.

О если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

Временами, не справясь с тоскою
И не в силах смотреть и дышать,
Я, глаза закрывая рукою,
О тебе начинаю мечтать.

— Не о девушке тонкой и томной.
Как тебя увидали бы все,
А о девочке тихой и скромной,
Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия, чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые,
Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,
И над морем сбиралась гроза,
И совсем настоящее горе
Наполняло слезами глаза.

Почему по побережьям безмолвным
Не вносятся дворцам золотым?
Почему по светящимся волнам
Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели
Не спалось вечерами тебе,
Сердце билось и взоры блестели,
О большой ты мечтала судьбе.

Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела быть солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли
Счастьем, лучшей надеждой своей.

Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездою,
Но не всем, только мне одному.

И теперь ты не та, ты забыла
Все, чем прежде ты думала стать...
Где надежда? Вся жизнь — как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.

И, таинственный твой собеседник,
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький, смятый передник,
За разбитую куклу твою.

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою;
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим,
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:

«Тьмы тысячелетий протекут
И ты будешь биться в клетке тесной,
Прежде чем настанет Страшный Суд,
Сын придет и Дух придет Небесный.

«Это выше нас, и лишь, когда
Протекут назначенные сроки,
Утренняя грешная звезда,
Ты придешь к нам, брат печальный.

«Нежный брат мой, вновь крылатый
брат,
Бывший то властителем то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.

«Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя, милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке.»

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

Так вот платаны, пальмы, темный грот,
Которые я так любил когда-то.
Да и теперь люблю... Но место дам
Рукам, вперед протянутым как ветви,
И розовым девическим стопам,
Губам, рожденным для святых приветствий.
Я нужен был, чтоб ведала она
Какое в ней благословенье миру,
И подвиг мой я совершил сполна
И тяжкую слагаю с плеч порфиру.
Я вольной смертью ныне искуплю
Мое слепительное дерзновенье
С которым я посмел сказать «люблю»
Прекраснейшему из всего творенья.

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

ПАМЯТЬ

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла,
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души — не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полубивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, память, ты не същещь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир.
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.

И совсем не нравится мне это —
Он хотел быть богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это, или кто другой,
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет,
Это млечный путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо: но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет, —
Чтоб душа моя не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

ЛЕС

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы.

Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы.

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франци иль Круглого Стола.

И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой.

Но в короне из литого серебра
И вздыхала и стонала до утра.

И скончалась тихой смертью на заре,
Перед тем, как дал причастье ей кюре.

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи.

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя.

Или может быть, когда умрем,
Мы в тот лес отправимся вдвоем.

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число не подает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоряет и добро и зло,
Не решился обратиться к звуку,
Тростью на песке чертит число.

Но забыли мы, что осеянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна,
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И как пчелы в улье опустелом
Дурно пахнут мертвые слова.

ДУША И ТЕЛО

Над городом плывет ночная тишь
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты все-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле.

Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремясь великолепью,
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.

Ах, я возненавидела любовь,
Болезнь, которой все у вас подвластно,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и
прекрасный.

И если что меня еще роднит
С былым, мерцающим в планетном хоре;
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе.

II

Закат из золотого стал, как медь,
Покрылись облака зеленой ржою,
И телу я сказал тогда: Ответь,
На все провозглашенное душою. —

И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
— Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью.

Люблю в соленой плескаться волне,
Прислушиваться к крикам ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... когда глаза
Ее потупленные я целую
Так пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

Но я за все, что взяло и хочу, —
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней.

III

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом — кто же, вопрошатель,
ты? —
Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
— Скажите мне, ужель разумен пес,
Который воет, если месяц светел?

Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?

Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Пророс главою семью семь вселенных
И для очей которого, как пыль,
Поля земные и поля блаженных?

Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание:
А вы, вы только слабый отсвет сна,
Бегущего на дне его сознания!

КАНЦОНА ПЕРВАЯ

Закричал громогласно
В сине-черную сонь
На дворе моем красный
И пернатый огонь.

Ветер милый и вольный,
Прилетевший с луны,
Хлещет дерзко и больно
По щекам тишины.

И, вступая на кручи,
Молодая заря
Кормит жадные тучи
Ячменем янтаря.

В этот час я родился,
В этот час и умру,
И зато мне не снился
Путь, ведущий к добру.

И уста мои рады
Целовать лишь одну,
Ту, с которой не надо
Улетать в вышину.

КАНЦОНА ВТОРАЯ

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира, средь теней,
Сонно перелистываем лето
Алые страницы ясных дней.

Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куста так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к ним белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти.
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи,
Точно ветер из далеких стран.

Там где все сверканье, все движенье,
Пенье все, — там мы с тобой живем,
Здесь же только наше отрешенье
Поглощающий водоем.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕРСИДСКОМУ

Из-за слов твоих, как соловьи,
Из-за слов твоих, как жемчуга,
Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.

Я ведь безумным стал, красавица.

Ради щек твоих, ширазских роз,
Краску щек моих утратил я,
Ради золотых твоих волос
Золото мое рассыпал я.

Нагим и голым стал, красавица.

Для того, чтоб посмотреть хоть раз,
Бирюза твой взор или берилл,
Семь ночей не закрывал я глаз,
От дверей твоих не отходил.

С глазами полными крови стал, красавица.

Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу из кабака,
Оттого, что часто ты горда,
Тянется к ножу моя рука.

Площадным негодяем стал, красавица.

Если солнце есть и вечен Бог,
То перешагнешь ты мой порог.

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Когда я кончу наконец
Игру в casha-casha со смертью хмурой
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

С копьем окровавленным шах,
Стремится тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающей серной.

И ни во сне, ни на яву
Невиденные туберозы
И сладким вечером в траву
Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне,
Как облака Тибета, чистой,
Носить отрадно будет мне
Значек великого артиста.

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей
Я заменю поочередно.

И вот тогда я утолю
Без упоенья, без страданья,
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится, —
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать,
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены итти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем.

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья,

Так, век за веком, (скоро ли, Господь?)
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Ожидая орган для шестого чувства.

СЛОНЕНОК

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему корней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Косочек сахару или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мединеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи,
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютен и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите скорей вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И промелькнув у оконной рамы,
Бросил во след нам пытливый взгляд,
Нищий старик, конечно тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию духа купить билет?

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы,
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как **вымя**,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими,
Здесь в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне жениху ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исаакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и панихиду по мне.

И все же навеки сердце утрюмо,
И трудно дышать и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

ОЛЬГА

Эльга, Эльга! — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

Ольга, Ольга! — вопили древляне
С волосами желтыми, как мед,
Выщарапывая в раскаленной бане
Окровавленными ногтями ход.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей
гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И царицею надо мною
Ольга, Ольга, кружишь ты.

У ЦЫГАН

Толстый, качался он, как в дурмане,
Зубы блестели из-под хмурых усов,
На ярко-красном его доломане
Сплетались узлы золотых шнуров.

Струна... и гортанный вопль... и сразу
Сладостно так заныла кровь моя,
Так убедительно поверил я рассказу
Про иные, родные мне края.

Вещие струны — это жилы бычьи,
Но горькой отравой питались быки,
Гортанный голос — жалобы девичьи
Из-под зажимающей рот руки.

Пламя костра, пламя костра, колонны
Красных стволов и оглушительный гик,
Ржавые листья топчет гость влюбленный,
Кружащийся в танце бенгальский тигр.

Капли крови текут с усов колючих,
Тошно ему, он сыт, он опьянел
Ах, здесь слишком много бубнов гремучих,
Слишком много сладких, пахучих тел.

Мне ли видеть его в дыму сигарном,
Где пробки хлопают, люди кричат,
На мокром столе чубуком янтарным
Злого сердца отстукивающим такт?

Мне, кто помнит его в струге алмазном
На убегаящей к Творцу реке,
Грозою ангелов и сладким соблазном,
С кровавой лилией в теплой руке?

Девушка, что же ты? Ведь гость богатый,
Встань перед ним, как комета вни очи,
Сердце крылатое в груди косматой
Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, все шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукой мани,
Так пар вечерний плавает лугами,
Когда за лесом огни и огни.

Вот струны — быки и слева и справа,
Рога их — смерть, и мычанье — беда,
У них на пастбище горные травы,
Конский волнец, полынь, лебеда.

Хочет встать, не может... кремень
зубчатый,
Кремень зубчатый, как гортанный гик
Под бархатной лапой, грозно поднятой,
В его крылатое сердце проник.

Рухнул грудью, путая аксельбанты,
Уже ни пить, ни смотреть нельзя,
Засуетились официанты,
Пьяного гостя унося.

Что же, господа, половина шестого?
Счет, Асмодей, нам приготовь!
Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

ПЬЯНЫЙ ДЕРВИШ

Соловьи над кипарисом и над озером — луна,
Камень черный, камень белый, много выпил
я вина.

Мне сейчас бутылка пела громче сердца
моего:

Мир лишь луч от лика друга, все иное —
тень его!

Виночерпия взлюбил я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.
И хожу, и похваляюсь, что узнал я
торжество:

Мир лишь луч от лика друга, все иное —
тень его!

Я бродяга и трущобник, непутевый человек,
Все, чему я научился, все забыл теперь
навек

Рад. розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, все иное —
тень его!

Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья,
О любви спросить у мертвых неужели мне
нельзя?

И кричит из ямы череп тайну гроба своего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное —
тень его!

Под луною всколыхнулись в дымном озере
струи,
На высоких кипарисах замолчали соловьи.
Лишь один запел так громко, тот, не певший
ничего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное —
тень его!

ЛЕОПАРД

Если убитому леопарду не опалить немедленно усов, дух его будет преследовать охотника.

Абиссинское поверье.

Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.

Люди входят и уходят,
Позже всех уходит та,
Для которой в жилах бродит
Золотая темнота.

Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крикнул домовый,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

— По ущельям Добробрана
Сизый плавает туман,
Солнце, вгасное, как рана,
Озарило Добробран.

— Запах меда и вервены
Ветер гонит на восток,
И ревут ревут гиены,
Зарывая нос в песок.

— Брат мой, брат мой, ревы слышишь,
Запах чуешь, видишь дым?
Для чего ж тогда ты дышишь
Этим воздухом сырым?

— Нет, ты должен, мой убийца,
Умереть в стране моей,
Чтоб я снова мог родиться
В леопардовой семье.

Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов!

Только поздно! Время сила
Одолела и близка:
Вот затылок мне сдавила
Точно медная рука...

Пальмы... с неба страшный пламень
Жжет песчаный водоем...
Данакиль припал на камень
С пламенеющим копьем.

Он не знает и не спросит
Чем душа моя горда,
Только душу эту бросит,
Сам не ведая, куда.

И не в силах я бороться,
Я спокоен, я встаю,
У жирафьего колодца
Я окончу жизнь мою.

МОЛИТВА МАСТЕРОВ

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал все новых
откровений.

Нам может нравится прямой и честный
враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг,

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрекается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть
Господня,
Но, что мы создадим, то с нами по сегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем — нет!

Упреки лстивые и гул мольбы хвалебной
Равно для творческой святыни непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского коня перед войной.

ПЕРСТЕНЬ

Уронила девушка перстень
В колодец, в колодец ночной,
Простирает легкие персты
К холодной воде ключевой.

— Возврати мой перстень, колодец,
В нем красный цейлонский рубин,
Что с ним будет делать народец
Тритонов и мокрых ундин?

В глубине вода потемнела,
Послышался ропот и гам:
— Теплою живого тела
Твой перстень понравился нам. —

— Мой жених изнемог от муки
И будет он в водную гладь
Погружать горячие руки,
Горячие слезы ронять. —

Над водой показались рожи
Тритонов и мокрых ундин:
— С человеческой кровью схожий,
Понравился нам твой рубин.

— Мой жених, он живет с молитвой,
С молитвой одной о любви,
 Попрошу, и стальной бритвой
Откроет он вены свои.

— Перстень твой наверно целебный,
Что ты молишь его с тоской,
Выкупаешь такой волшебной
Ценой, любовью мужской.

— Просто золото — слаще тела
И рубины краснее чем кровь,
И доньше я не умела
Понять, что такое любовь.

Пастух дивится
И смотрит зорко:
Такая красивая птица
А стонет так горько —

Ее ответу
Он внимлет, смущенный:
— Мне подобных нету
На земле зеленой,

— Хоть мальчик-птица,
Исполненный дивных желаний,
И должен родиться
В Броселиане,

Но злая
Судьба нам не даст наслажденья,
Подумай, пастух, должна я
Умереть до его рожденья.

— И вот мне не любви
Ни солнце, ни месяц высокий,
Никому не нужны мои губы
И бледные щеки.

— Но всего мне жальче,
Хоть и всего дороже,
Что птица-мальчик
Будет печальным тоже.

— Он станет порхать по лугу,
Садиться на вязы эти
И звать подругу,
Которой уж нет на свете.

— Пастух, ты, наверно, грубый.
Ну, что ж, я терпеть умею,
Подойди, поцелуй мои губы
И хрупкую шею.

— Ты сам захочешь жениться,
У тебя будут дети,
И память о Деве-птице
Долетит до самых столетий.

Пастух вдыхает запах
Кожи, солнцем нагретой,
Слышит, на птичьих лапах
Звонят золотые браслеты.

Вот уже он в иступлении,
Что делает, сам не знает,
Загорелые его колени
Красные перья попирают.

Только раз застонала птица,
Раз один застонала,
И в груди ее сердце биться
Вдруг перестало.

Она не воскреснет,
Глаза помутнели,
И грустные песни
Над нею играет пастух на
свирели.

С вечерней прохладой
Встают седые туманы,
И гонит он к дому стадо
Из Броселианы.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьеносца
С приветом, составленным из моих
стихов.

Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить меня за мои стихи.

И много их, добрых, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете.
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке.
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными
намеками
На содержимое выеденного яйца,

Но когда кругом свищут пули
И волы ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: — Я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
Уйти и не возвращаться больше.

И когда настанет их последний час,
Ровный красный туман застелит их взоры
Я научу их, как припомнить
Всю далекую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ пред ликом Бога,
С простыми и мудрыми словами
Ждать спокойно его суда.

ЗВЕЗДНЫЙ УЖАС

Это было золотою ночью,
Золотою ночью, но безлунной.
Он бежал, бежал через равнину,
На колени падал, поднимался,
Как подстреленный метался заяц
И горячие струились слезы
По щекам, морщинами изрытым,
По козлиной, старческой бородке.
А за ним его бежали дети,
А за ним его бежали внуки,
И в шатре из небеленой ткани
Брошенная правнучка визжала.

— Возвратись, — ему кричали дети,
И ладони складывали внуки,
— Ничего худого не случилось,
Овцы не наелись молочая,
Дождь огня священного не залил,
Ни косматый лев, ни зенд жестокий
К нашему шетру не подходили.

Черная пред ним чернела круча,
Старый кручи в темноте не видел,
Рухнул так, что затрепцали кости,
Так, что чуть души себе не вышиб.
И тогда еще ползти пытался,
Но его уже схватили дети,
За полы придерживали внуки,
И такое он им молвил слово:

— Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами,
На него взирает с неба черный,
И его высматривает тайны.
Этой ночью я заснул, как должно,
Обернувшись шкурой, носом в землю,
Снилась мне хорошая корова
С выменем отвислым и раздутым.
Под нее подполз я поживиться
Молоком парным, как уж я думал,
Только вдруг она меня лягнула,
Я перевернулся и проснулся:
Хорошо еще, что мне вонючка
Правый глаз поганым соком выжгла,
А не то, гляди я в оба глаза,
Мертвым бы остался я на месте.
Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился.

Дети взоры опустили в землю,
Внуки лица спрятали локтями,
Молчаливо, ждали, все что скажет
Старший сын с седою бородою,
И такое тот промолвил слово:
— С той поры, что я живу, со мною
Ничего худого не бывало,
И мое выстукивает сердце,
Что и впредь худого мне не будет,
Я хочу обеими глазами
Посмотреть, кто это бродит в небе.

Вымолвил и сразу лег на землю,
Не ничком на землю лег, спиною,
Все стояли, затаив дыханье,
Слушали и ждали очень долго.
Вот старик спросил, дрожа от страха:
— Что ты видишь? — но ответа не да.
Сын его с седою бородою.
И когда над ним сколнулись братья,
То увидели, что он не дышит,
Что лицо его, темнее меди,
Исковеркано руками смерти.

Ух, как женщины заголосили,
Как заплакали, завывли дети,
Старый бороденку дергал, хрипло
Страшные проклятья выкликая,
На ноги вскочили восемь братьев,

Но когда лежащая вскочила
На ноги, то все позеленели,
Все вспотели даже от испуга,
Черная, но с белыми глазами,
Яростно она металась, воя:
— Горе! Горе! Страх, петля и яма!
Где я? Что со мною? Красный лебедь
Гонится за мной... Дракон трехногий
Крадется... уйдите, звери, звери!
Рак не тронь! Скорей от козерога! —

Смутные к шатрам вернулись люди,
Сели вокруг на скалы и боялись.
Время шло к полуончи. Гиена
Ухнула и сразу замолчала.
И сказали люди: — Тот, кто в небе,
Бог или зверь, он верно хочет смерти.
Надо принести ему телицу
Непорочную, отроковицу.

На которую досель мужчина
Не смотрел ни разу с вожделеньем.
Умер Гар, сошла с ума Гарайя,
Дочери их только восемь весен,
Может быть она и пригодится.

Побежали женщины и быстро
Притащили маленькую Тарру.
Старый поднял свой топор кремневый,
Думал — лучше продолбить ей темя,

Прежде чем она на небо взглянет,
Внучка ведь она ему, и жалко —
Но другие не дали, сказали:
— Что за жертва с теменем долблен-
ным.

Положили девочку на камень,
Плоский черный камень, на котором
До сих пор пылал огонь священный,
Он погас во время суматохи.
Положили и склонили лица,
Ждали, вот она умрет, и можно
Будет всем пойти заснуть до солнца.
Только девочка не умирала,
Посмотрела вверх, потом направо,
Где стояли братья, после снова
Вверх и захотела прыгнуть с камня.

Старый не пустил, спросил: что
видишь? —

И она ответила с досадой:
— Ничего не вижу. Только небо
Вогнутое, черное, пустое,
И на небе огоньки повсюду,
Как цветы весною на болоте. —
Старый призадумался и молвил:
— Посмотри еще! — и снова Гарра
Долго, долго на небо смотрела.
— Нет, — сказала, — это не цветочки,
Это просто золотые пальцы
Нам показывают на равнину,

И на море и на горы зандов,
И показывают, что случилось,
Что случается и что случится. —

Люди слушали и удивлялись:
— Так не то что дети, так мужчины
Говорить доньне не умели,
А у Гарры пламенели щеки
Искрились глаза, алели губы,
Руки поднимались к небу, точно
Улететь она хотела в небо.
И она запела вдруг так звонко,
Словно ветер в тростниковой чаще
Ветр с гор Ирана на Ефрате.

Мелле было восемнадцать весен,
Но она не ведала мужчины,
Вот она упала рядом с Гаррой,
Посмотрела и запела тоже.
А за Меллой Аха, и за Ахой
Урр, ее жених, и вот все племя
Полегло и пело, пело, пело,
Словно жаворонки жарким полднем
Или смутным вечером лягушки.

Только старый отошел в сторонку,
Зажимая уши кулаками,
И слеза катится за слезою
Из его единственного глаза.

Он свое оплакивал паденье
С кручи, шишки на своих коленях,
Гара и вдуву его и время
Прежнее, когда смотрели люди
На равнину, где паслось их стадо,
На воду где пробегал их парус,
На траву, где их играли дети,
А небо черное, где блещут
Недоступные сияют звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ

	Стр.
Из букета целого сирени	5
Много есть людей	6
Мы в аллеях светлых пролетали	7
Вероятно, в жизни предыдущей	8
Мой альбом	9
Цветов и песен благодатный хмель	11
Пролетела золотая ночь	13
Об озерах	15
Однообразные мелькают	16
Отвечай мне	17
Дремала душа твоя	18
Я вырван был из жизни тесной	19
В этот мой благословенный вечер	20
Луна восходит	22
Еще не раз	23
Так долго сердце боролось	24
Я говорил	25
Ты не могла	26
Нежно небывалая отрада	27
С протянутыми руками	28
Ты пожалела, ты простила	29

Неизгладимый	31
Временами не справясь с тоскою	32
На путях	34
Отрывок из пьесы	35

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Память	39
Лес	42
Слово	44
Душа и тело	46
Канцона первая	49
Канцона вторая	50
Подражание персидскому	51
Персидская миниатюра	52
Шестое чувство	54
Слоненок	55
Заблудившийся трамвай	56
Ольга	59
У цыган	61
Пьяный дервиш	64
Леопард	66
Молитва мастеров	69
Перстень	70
Дева-птица	72
Моим читателям	76
Звездный ужас	78

